

Рождение человека — эпизод 3 из 4

Мы немножко ругали друг друга, она сквозь зубы, я тоже не громко, она от боли, и, должно быть, от стыда, я от смущения и мучительной жалости к ней... Х-хосподи, хрипит она, синие губы закушены и в пене, а из глаз, словно вдруг выцветших на солнце, все льются эти обильные слезы невыносимого страдания матери, и все тело ее ломается, разделяемое надвое.

Ух-ходи ты, бес...

Слабыми, вывихнутыми руками она все отталкивает меня, я убедительно говорю:

Дуреха, роди, знай, скорее...

Мучительно жалко ее, и кажется, что ее слезы брызнули в мои глаза, сердце сжато тоской, хочется кричать, и я кричу:

Ну, скорей!

И вот на руках у меня человек красный. Хотя и сквозь слезы, но я вижу он весь красный и уже недоволен миром, барахтается, буянит и густо орет, хотя еще связан с матерью. Глаза у него голубые, нос смешно раздавлен на красном, смятом лице, губы шевелятся и тянут:

Я-а... я-а..

Такой скользкий того и гляди уплывет из рук моих, я стою на коленях, смотрю на него, хохочу очень рад видеть его! И забыл, что надобно делать...

Режь... тихо шепчет мать, глаза у нее закрыты, лицо опало, оно землисто, как у мертвой, а синие губы едва шевелятся:

Ножиком... перережь...

Нож у меня украли в бараке я перекусываю пуповину, ребенок орет орловским басом, а мать улыбается: я вижу, как удивительно расцветают, горят ее бездонные глаза синим огнем темная рука шарит по юбке, ища карман, и окровавленные, искусанные губы шелестят:

Н-не... силушки... тесемочка кармани... перевязать пупочек...

Достал тесемку, перевязал, она улыбается все ярче; так хорошо и ярко, что я почти слепну от этой улыбки.

Оправляйся, а я пойду, вымою его...

Она беспокойно бормочет:

Мотри тихонечко... мотри же...

Этот красный человечик вовсе не требует осторожности: он сжал кулак и орет, орет, словно вызывая на драку с ним:

Я-а... я-а...

Ты, ты! Утверждайся, брат, крепче, а то ближние немедленно голову оторвут...

Особенно серьезно и громко крикнул он, когда его впервые обдало пенной волной моря, весело хлестнувшей обоих нас; потом когда я стал нашлепывать грудь и спинку ему, он зажмурил глаза, забился и завизжал пронзительно, а волны, одна за другою, всё обливали его.

Шуми, орловский! Кричи во весь дух...

Когда мы с ним воротились к матери, она лежала, снова закрыв глаза, кусая губы, в схватках, извергавших послед, но, несмотря на это, сквозь стоны и вздохи, я слышал ее умирающий шепот:

Дай... дай его...

Подождет.

Дай-ко...

И дрожащими неверными руками расстегивала кофту на груди. Я помог ей освободить грудь, заготовленную природой на двадцать человек детей, приложил к теплему ее телу буйного орловца, он сразу все понял и замолчал. Пресвятая, пречистая, вздрагивая, вздыхала мать и перекатывала растрепанную голову по котомке с боку на бок.

И вдруг, тихо крикнув, умолкла, потом снова открылись эти донельзя прекрасные глаза святые глаза родительницы, синие, они смотрят в синее небо, в них горит и тает благодарная, радостная улыбка; подняв тяжелую руку, мать медленно крестит себя и ребенка...

Слава те, пречистая мать божия... ох... слава тебе...

Глаза угасли, провалились, она долго молчит, едва дыша, и вдруг деловито, отвердевшим голосом сказала:

Развяжи, паренек, котомку мою...

Развязали, она взглянула на меня пристально, слабенько усмехнулась, как будто чуть заметно румянец блеснул на опавших щеках и потном лбу.

Отойди-ка...

Ты очень-то не возись...

Ну, ну... отойди.

Отошел недалеко в кусты. Сердце как будто устало, а в груди тихо поют какие-то славные птицы, и это вместе с немолчным плеском моря так хорошо, что можно бы слушать год...

Где-то недалеко журчит ручей точно девушка рассказывает подруге о возлюбленном своем...

Над кустами поднялась голова в желтом платке, уже повязанном, как надобно.

Эй, эй, это ты, брат, рано завозилась!

Придерживаясь рукою за ветку кустарника, она сидела, точно выпитая, без кровинки в сером лице, с огромными синими озерами на месте глаз, и

умиленно шептала:

Гляди как спит...

Спал он хорошо, но, на мой взгляд, ничем не лучше других детей, а если и была разница, так она падала на обстановку: он лежал на куче ярких осенних листьев, под кустом, какие не растут в Орловской губернии.